

Моей греческой семье

*Σας αγαπώ όλους**

* Я люблю всех вас (греч.). Здесь и далее прим. редактора.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ДОМА

ДОМ КАДМА — Кадмиды
Эмблема: змея
Повелитель: Рат*,
возрожденный Арес

ДОМ ОДИССЕЯ — Одиссеиды
Эмблема: Троянский конь
Повелитель: Харткипер**,
возрожденная Афродита

ДОМ ТЕСЕЯ — Тесеиды
Эмблема: Минотавр

ДОМ АХИЛЛА — Ахиллиды
Эмблема: воин

ДОМ ПЕРСЕЯ — Персеиды
Эмблема: Горгона
Повелительница: Тайдбрингер***,
возрожденный Посейдон

* Wrath (англ.) — Гнев.

** Heartkeeper (англ.) — Хранитель сердец.

*** Tidebringer (англ.) — Рождающая волну.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДОМА

ДОМ МЕЛЕАГРА — Мелеагриды
Эмблема: Калидонский вепрь

ДОМ БЕЛЛЕРОФОНТА —
Беллерофонтиды
Эмблема: Пегас

ДОМ ЯСОНА
Эмблема: баран

ДОМ ГЕРАКЛА — Гераклиды
Эмблема: Немейский лев
Повелитель: Ревелер*,
возрожденный Дионис

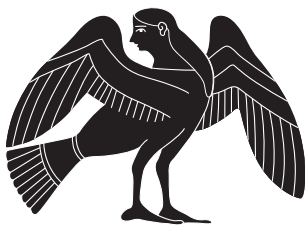
* Reveler (англ.) — кутила.

ЛИК ПОВЕЛИТЕЛЯ НЕБА ЯРКО СИАЛ НА ФОНЕ НАДВИГАЮЩИХСЯ СУМЕРЕК: «СЛУШАЙТЕ МЕНЯ, КРОВНЫЕ НАСЛЕДНИКИ ТЕХ ГОРДЫХ СМЕЛЬЧАКОВ, ЧТО ОТВАЖИЛИСЬ ОТПРАВИТЬСЯ ВО ТЬМУ, ДАБЫ ИСТРЕБИТЬ МОНСТРОВ И ЦАРЕЙ ПРОШЛОГО, — МЕРНО ПАДАЛИ СЛОВА. — Я ПРИЗЫВАЮ ВАС К РЕШАЮЩЕМУ АГОНУ*, ПОБЕДА В КОТОРОМ ОЗНАЧАЕТ НЕПРЕХОДЯЩУЮ СЛАВУ. ДЕВЯТЬ БОГОВ ПРЕДАЛИ МЕНЯ И ЗАСЛУЖИВАЮТ ЖЕСТОКОЙ МЕСТИ. ТАК, НА ИСХОДЕ КАЖДЫХ СЕМИ ЛЕТ СЕМЬ ДОЛГИХ ДНЕЙ БУДУТ ОНИ БРОДИТЬ ПО ЗЕМЛЕ В ОБЛИКЕ СМЕРТНЫХ. А ПОТОМУ ВЫ И ВАШИ ПОТОМКИ ОТНЫНЕ И ВПРЕДЬ МОЖЕТЕ ИЗМЕНИТЬ ПРЕДНАЧЕРТАННЫЙ ПУТЬ И ОБРАТИТЬ НИТЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ В НЕТЛЕННОЕ ЗОЛОТО. ЯВИТЕ СВОЮ СИЛУ И УМЕНИЯ, И Я НАГРАЖУ ВАС ПЛАШОМ И БЕССМЕРТНОЙ ВЛАСТЬЮ БОГА, ЧЬЕЙ КРОВЬЮ БУДЕТ ОБАГРЕН ВАШ КЛИНОК. НО ЗА ЭТО Я ПРОШУ МНОГОГО. СОБЕРИТЕСЬ В САМОМ СЕРДЦЕ ИЗВЕСТНОГО МИРА И С РОЖДЕНИЕМ ДНЯ НАЧИНАЙТЕ ОХОТУ — ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ОСТАНЕТСЯ ЛИШЬ ТОТ, КТО ПЕРЕРОДИТСЯ ЦЕЛИКОМ».

*«Зевс в Олимпии»,
перевод Креона из Дома Одиссеидов*

* Борьба или состязание у древних греков и римлян.

Очнувшись, он сразу почувствовал под собой грубую землю. Ноздри наполнил смрад крови смертных.

Тело восстанавливалось медленнее, чем разум. От непрошенных ощущений вспыхнула и, подобно обожженной глине, затвердела его кожа.

Роса пропитала тонкое голубое одеяние, голые ноги по щиколотку забрызгала грязь. Его колотило от холода, по телу пробегала унижительная дрожь. Кажется, он простудился. Впервые за семь лет.

Человеческая кровь текла в его жилах, эта густая мерзкая жижа... Не то что благодатный солнечный ихор, который когда-то выжег все следы его смертности и выпустил обратно в мир. Долгие семь лет он ураганом носился по ближним и дальним землям, распаял злобой сердца убийц, раздувал угли конфликтов в пламя. Он был сама ярость.*

Снова почувствовать ограниченность человеческого тела... влиться обратно в этот жалкий сосуд... Какая пытка! Он был почти готов пожалеть старых богов. Они пережили это изуверство уже двести двенадцать раз.

Но только не он. Это последний раз, когда он ощутил вкус смертности.

* В греческой мифологии ихор — кровь богов, отличная от крови смертных.

Он еще не полностью пришел в себя, однако узнал и город, и большой парк. И запах подстриженной травы, к которому примешивалась вонь нечистот. И гул машин где-то рядом. И наэлектризованное, беспокойное биение пульса глубоко под асфальтом улиц.

Уголки его рта скривились в попытке вспомнить, как улыбаются. Когда-то, в той, смертной, жизни, этот город принадлежал ему: улицы предлагали свои сокровища, те, кто жаждал богатства, продавали частички власти. Однажды Манхэттен уже склонился перед ним и сделает это снова.

Он перекатился на бок, потом осторожно сел на корточки. Наконец убедившись, что сможет удержаться на ногах, медленно поднялся во весь рост.

Все вокруг было залито темной кровью. Юная девушка смотрела на него невидящими глазами. Сорванная маска валялась рядом, в горло был воткнут нож. Мужчине отсекли голову, однако маска в виде лошадиной морды по-прежнему скрывала его лицо. Рука, на которой не хватало пальцев, сжимала клинок.

Справа послышался тихий шорох — чьи-то шаги. Он потянулся за мечом, которого у него больше не было. Из тени ближайших деревьев, которые росли вдоль мощеной дорожки, выступили три фигуры и двинулись ему навстречу. На бронзовых масках было изображение змеи.

Кровные родственники из смертных. Дом Кадма*. Они пришли, чтобы забрать его, своего нового бога.

* Кадм — в древнегреческой мифологии основатель города Фивы (современный город носит то же название), для чего должен был убить священного змея бога войны Ареса. В конце жизни был обращен богами в змея.

Наблюдая за их приближением, он с хрустом покрутил шеей. Охотники явно испытывали благоговейный страх, и это радовало. Его предшественник, последний новый Афес оказался недостойным носить плащ Бога Войны. С каким невыразимым удовольствием семь лет назад он убил этого Афеса и заявил о своем праве первородства.

Самый рослый из трех охотников выступил вперед. Белен. Новый бог с удовлетворением наблюдал, как молодой человек хладнокровно выдергивает стрелы из тел.

Жаль, что его единственный выживший отпрыск родился бастардом и не мог стать наследником Аристоса Кадму, того смертного, которым когда-то был новый бог. Тем не менее, глядя на него, он испытал прилив гордости, и его губы довольно изогнулись.

Белен сдвинул маску на затылок и почтительно потупил взгляд. Бог поднял руку, оцупывая свое лицо из по-юношески гладкой плоти. Покрытая шрамами прежняя оболочка была содрана в момент вознесения, возвращая ему вечную молодость. Отныне и навсегда.

— Самый почитаемый из нас, — произнес Белен, опускаясь на колени. Он протянул новому богу сверток, который достал из набедренной сумки: темно-красную шелковую тунику взамен запачканной грязью небесно-голубой. — Приветствуем тебя и предлагаем кровь твоих врагов как дань уважения к твоему имени и в знак нашей вечной преданности. Мы здесь, чтобы защищать тебя ценой нашей жизни, пока не придет время тебе снова возродиться и властвовать.

— И не только, — прохрипел новый бог, каждое слово давалось ему с трудом.

— Да, мой господин, — подтвердил Белен.

Из-за спины Белена показались еще охотники, все в черном. Они волокли кого-то в небесно-голубой хламиде.

— Подведите его ко мне, — приказал Белену новый бог.

В это же время два черных внедорожника с выключенными фарами вывернули с соседней улицы и помчались к ним прямо по лужайкам Центрального парка. Кадмиды приступили к работе. Развернув брезент, они перенесли на него мертвых охотников. Сняли пропитанную кровью землю. Раскатали новые рулоны газонной травы. Погрузили обезображенные тела в багажник третьей машины, подехавшей следом.

Он знал: в разных концах Парка представители других Домов проводят сейчас такой же ритуал.

Пленника потащили дальше, и тот, словно бешеное животное, снова забился в руках державших его мужчин, пытаясь боднуть их головой. Еще раньше ему перефрезали сухожилия на лодыжках, чтобы он не смог воспользоваться своей суперсилой — скоростью — и сбежать. Хорошо.

Охотники заставили пленника опуститься на колени. Новый бог нагнулся, чтобы сорвать капюшон с его головы.

Золотистые глаза пылали свирепым огнем, в них кружились искры ярости. Кровь сочилась из раны на лбу, стекая по некогда сияющей коже на небесно-голубую туннику.

— У тебя отняли твою последнюю силу, — проговорил новый бог. Запустив пальцы во вьющиеся пряди каштановых волос старого бога, он зафренинул ему голову, заставляя того встретиться с ним взглядом.

— Я знаю, чего ты хочешь, Богоубийца, — произнес старый бог на древнем языке. — Но этого ты никогда не найдешь.

Новому богу нужно было знать только одно — что ЭТО не уничтожено. И его гнев был похож на эйфорию. Он поднес острый как бритва край клинка, что почти-точно подал ему Белен, к мягкой смертной плоти старого бога и улыбнулся.

— Обманивик. Посланец. Путешественник. Вор, — изрек новый бог. И в следующий миг лезвие пронзило позвоночник пленника. — Ничто.

Из раны хлынула кровь. Новый бог упивался зрелищем. Он видел, как страх сменился болью, потом неверием... Божественная сила пленника угасала. Жаль, что новый бог не мог завладеть ею.

— Таков порядок вещей, не так ли? — Наклонившись, новый бог наблюдал последнюю вспышку жизни в глазах старого бога. — Этот же путь прошел твой отец, а еще раньше — отец твоего отца. Старые боги должны умереть, чтобы позволить новым подняться.

В Парке царил тишина, прерываемая чавкающими звуками, с которыми клинок входил в плоть, и треском, с которым голова Гермеса наконец отделилась от тела. Новый бог высоко поднял эту голову — так, чтобы ее увидели его последователи.

Охотники зашипели от восторга и начали бить себя кулаками в грудь. Еще раз взглянув на свой трофей, новый бог швырнул голову Гермеса в грудку других останков, сваленных на брезент. Когда наступит утро, никаких следов не останется — ни от восьми богов, которые подобно вспышке молнии возникли в разных концах Центрального парка, ни от охотников, павших в попытке расправиться с ними.

А вокруг гудел город, изнывая от едва сдерживаемого хаоса. В этих звуках новому богу слышалась песнь грядущего ужаса. Он понимал это страстное желание — сорваться с привязи.

— Я — Рат. — Новый бог опустился на колени и погрузил пальцы в кровавую грязь. — Я ваш хозяин. — Он провел пальцами по щекам. — Я — ваша слава.

Столпившиеся вокруг охотники стянули маски и рухнули рядом, размазывая влажную землю по возбужденным лицам.

Наступала новая эпоха, когда всем завладеет тот, кто достаточно силен для этого.

— А теперь, — объявил новый бог, — мы начинаем.

ЧАСТЬ I

ГОРОД БОГОВ

«Хочешь узнать истинную суть человека — сразись с ним!» — говорила мать. Вот только по опыту Лора знала, что обычно в драке обнаруживается самое уязвимое место противника. Сейчас это была свежая татуировка на груди соперника, слева — он даже не снял повязку.

Лора встала в боевую стойку, и рукой в перчатке отбила еще один неточный удар. Отскочила назад, и дешевые голубые маты зазаскрипели под ее кроссовками. Полоски серебристого скотча, скреплявшие самодельный ринг, после пяти боев начали отклеиваться от жары и влаги. Лора недовольно заворчала, когда обрывок скотча прилип к ее подошве.

Горько-соленый пот струился по лицу, разъедая глаза и губы. Но Лора даже не пыталась утереться. Боль помогала сосредоточиться.

Эти боксерские поединки по вечерам — просто еще одна скверная привычка. Но после смерти Гилберта именно она принесла облегчение, в котором она так отчаянно нуждалась. Вот только данное себе обещание: провести *единственный бой* — мгновенно забылось, когда Лора почувствовала знакомый прилив адреналина.

Одного поединка оказалось достаточно, чтобы стряхнуть отупляющее забытье горя, вырваться

из плена тягостных мыслей и вернуться в собственное тело. Два боя — и острая боль в сердце утихла. А после третьего в ее карманах появилась впечатляющая сумма денег. Наличными.

И вот теперь, спустя полгода, пятнадцатый по счету бой принес именно то, чего Лора так хотела в ту ночь: возможность отвлечься и забыться. Конечно, говорила она себе: остановиться можно в любой момент. Как только почувствует, что бои перестают быть удовольствием. Она остановится, если то, что было глубоко похоронено, снова выберется на поверхность. Но этот момент еще не настал. Пока не настал.

В тесном подвале китайского рестораника «Красный дракон. Лучшая китайская еда» стояла одуряющая духота. Пышущая жаром стена из тел окружала ринг. Толпа колыхалась в такт движениям бойцов. Пальцы сжимали пластиковые стаканы, стараясь не расплескать дорогой алкоголь. Громко выкрикивались ставки, деньги текли рекой, из рук в руки, прямо к Фрэнки, организатору боев, который еще следил за порядком в зале, принимал ставки и записывал, кто и на кого поставил на следующие два боя. Фрэнки всегда больше интересовал выигрыш, чем имя победителя.

Из кухни наверху валил влажный пар, клубился в свете ламп. Восхитительный аромат курицы «кунг пао» перебивал вонь застарелой рвоты и пива, которая стояла во всех закрытых ночных клубах, где проходили бои.

Однако толпу такие мелочи не заботили. Неважно где и как, лишь бы испытать хотя бы подобие острых ощущений. Особый гостевой список Фрэнки за последнее время существенно расширился: рядом с красотками-манекенщицами, представителями богемы